

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-99-109

Гражданская религия Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы и границы терпимости государства

Е. В. Винчковский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

Аннотация

Анализируется эволюция понятия «гражданская религия» на примере определенных Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы. Обоснован исторический переход интерпретаций гражданской религии от всеобщей и естественной до частной и позитивной. Приведена аргументация теоретической недостаточности гражданской религии в качестве мультикультурной границы государства.

Ключевые слова

гражданская религия, мультикультурализм, терпимость, гражданин, принцип, догмат

Для цитирования

Винчковский Е. В. Гражданская религия Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы и границы терпимости государства // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 99–109. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-99-109

Civil Religion by J.-J. Rousseau and R. N. Bellah and Limits of the Toleration of the State

E. V. Vinchkovskii

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This paper presents an analysis of the evolution of the concept of «civil religion» as defined by Jean-Jacques Rousseau and Robert Neelly Bellah. The historical transition of

© Е. В. Винчковский, 2019

civil religion interpretations from the universal and natural to the particular and positive has been substantiated. The reasoning of the theoretical insufficiency of civil religion as a multicultural state border is given.

Keywords

civil religion, multiculturalism, toleration, citizen, principle, dogmata

For citation

Vinchkovskii E. V. Civil Religion by J.-J. Rousseau and R. N. Bellah and Limits of the Toleration of the State. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 99–109. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-99-109

В современном мире уже практически не встретишь государств с этнически единым населением, культуры и народы все более и более переплетаются между собой и требуют предоставления определенных гарантий собственного воспроизводства норм и практик. Именно в связи с этим встает вопрос: до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и относиться к нему терпимо и как обеспечить гармонию в этих условиях? Когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями, необходимо решить ряд проблем, чтобы обеспечить четкие и устраивающие всех правила общежития¹, которые будут являться своего рода границей терпимости государства к этническим группам. Одним из множества подобных вариантов такой границы является понятие «гражданская религия». В настоящей статье мы попытаемся определить содержание данного термина, установить те причины, по которым гражданская религия не может быть границей терпимости в государстве, сравнить в исторической перспективе различные интерпретации гражданской религии и спроецировать их на проблемы терпимости в современных мультикультурных сообществах.

Исторически первым кто затронул вопрос гражданской религии стал Ж.-Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре»: «Существует, следовательно, исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правило общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным. Не будучи в состоянии обязать кого бы то ни было в них верить, он может из-

¹ *Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://www.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylyzma> (дата обращения 16.10.2018).

гнать из Государства всякого, кто в них не верит, причем не как нечестивца, а как человека, неспособного жить в обществе, как человека, неспособного искренне любить законы, справедливость, и жертвовать в случае необходимости жизнью во имя долга» [1998. С. 320]. В своем поиске содержания гражданской религии Ж.-Ж. Руссо, безусловно, стремился найти баланс между верованиями конкретного человека и возможными противоречиями с его правами и обязанностями как гражданина. Из определения видно, что существенным аспектом гражданской религии выступает мирное сосуществование граждан в одном политическом сообществе («правило общежития»), т. е. подобная «религия» не только затрагивает отношения индивид – суверен, но и отражает, косвенным образом, терпимость граждан друг к другу.

Ж.-Ж. Руссо ничего не говорит об «этническом» как критерии социальной идентификации, он лишь фиксирует конфессиональные отличия граждан. Неприменимость понятия «этническое» к рассуждениям Ж.-Ж. Руссо состоит не только в отсутствии прямых ссылок или рассуждений на этот счет, скорее, это вызвано неприятием философа всего частного по отношению к общей воле суверена. С. В. Занин отмечает: «Для него неприемлемым было создание частных ассоциаций граждан, потому что “воля каждой из этих ассоциаций становится общей для ее членов и частной по отношению к Государству... когда же одна из этих ассоциаций становится настолько большой, что превосходит все остальные... более не существует общей воли и превосходящим мнением является мнение частное...”. Существование в государстве частных “организмов”, в том числе церковных, может привести к нарушению единства “общей воли” и раздроблению суверенной власти» [2004. С. 190]. Таким образом, перенос «руссоистской» гражданской религии на актуальные сегодня проблемы национальных меньшинств, этнических групп, делегирование им части публичных полномочий и попытка дифференцирования гражданских прав, вряд ли встретили бы одобрение указанного философа эпохи Просвещения. Но вопросы терпимости как таковой, терпимости конфессиональной, а также проблематика мультикультурной уязвимости (противоречия между автономией индивида и его гражданским статусом с внутренними ограничениями и убеждениями этноконфессиональной группы), безусловно, Ж.-Ж. Руссо поднимаются. На этот факт указывает и С. В. Занин: «Вопрос о границах вмешательства государства в вопросы исповедания веры Руссо рассматривал в первую очередь с юридической точки зрения. В этой связи он приводил лю-

бопытный пример из речей Цицерона о Катилине. По мнению Руссо, Цицерон доказывал, что вина Катилины заключалась не в выдвижении доктрины, согласно которой, душа является смертной, а в том, что эта доктрина “гибельна для государства”. Совершенно очевидно, что суверенная власть обязана препятствовать распространению религиозных учений, несовместимых с требованиями общественного договора» [2004. С. 193].

Кроме описательной части того, что же все-таки представляет собой гражданская религия, Ж.-Ж. Руссо раскрывает ее догматы: «Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без разъяснений и комментариев. Существование Божества могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; загробная жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость Общественного договора и законов, – вот догматы положительные. Что касается отрицательных догматов, то я ограничусь одним-единственным: это нетерпимость» [1998. С. 320–321]. Надо сказать, что указанные догматы носят противоречивый характер. Например, неясно, каким образом положительные догматы существования Божества и загробной жизни сочетаются с отрицательным догматом нетерпимости? Собственно, это вопрос и к современным суверенам, которые официально или фактически провозглашают одну из религий государственной или, по меньшей мере, доминирующей, исключая во многом терпимое отношение к атеистам, а в случае Ж.-Ж. Руссо, также верованиям, отрицающим загробную жизнь. Как только догма веры становится частью закона, вмешательство суверенной власти в сферу убеждений граждан станет неизбежным. Невозможно быть «добродетельным атеистом», если культ «верховного существа» требует от человека не только внешнего проявления уважения к нему, но и непосредственного участия в религиозной церемонии, клятвы верности [Занин, 2004. С. 199]. Мы можем лишь предположить, что Ж.-Ж. Руссо вводит в «Об общественном договоре» догмат существования Божества лишь в качестве источника естественного права и как критерия оценки действий самого государства.

Заметим, что, возможно, осознавая уязвимость собственных догматов, впоследствии Ж.-Ж. Руссо отказался от «противоречивого» списка догматов в «Письмах с Горы»: «Что же должен делать мудрый законодатель в этом случае? Одно из двух. Первое: учредить чисто гражданскую религию, включающую в себя основные догматы любой хорошей религии, все догматы, истинно полезные для обще-

ства, как для общества всех людей, так и для отдельных обществ, из нее изъяли бы все прочие догматы, которые могут касаться веры, но никоим образом не касаются земного блага, единственного предмета законодательства» [2013. С. 288]. В своих комментариях С. В. Занин также добавляет: «Формулировка догм “гражданской религии” в “Письмах с Горы” исключительно как правил нравственного общения граждан призвана дать суверенной власти своего рода эталон, по которому она будет судить все существующие в обществе и “новые” религии, а также определять, какие из них противоречат веротерпимости – этой основе “гражданского порядка”» [2004. С. 203]. К сказанному следует добавить, что, обобщая догматы гражданской религии, изложенные в «Общественном договоре» с той корректировкой всего «священного» в «Письмах с Горы», по сути, остаются лишь общепринятые сейчас принципы законности (действие Общественного договора и законов), справедливости («счастье праведных» и «наказание злых») и терпимости. В контексте рассуждений Ж.-Ж. Руссо о «необходимости государственной политики, которая гарантировала бы общество от появления “ложных религий”, не отвечающих тому минимуму гуманности и “общительности”» [Там же. С. 202], мы можем сказать, что принципы законности² и справедливости явно имели для философа приоритет перед принципом терпимости и являлись той самой границей терпимости государства для представителей «ложных религий».

Следующей вехой в интерпретации гражданской религии стала статья «Гражданская религия в Америке» Роберта Н. Беллы, который прямо говорит о заимствовании идеи у Ж.-Ж. Руссо: «Словосочетание “гражданская религия” принадлежит, конечно, Руссо... Хотя отцы-основатели, насколько мне известно, слов “гражданская религия” не использовали, и я, конечно, не утверждаю, что особое влияние на них оказал именно Руссо, совершенно ясно, что подобные идеи, бывшие частью культурной атмосферы конца восемнадцатого века, можно обнаружить и у американцев» [Белла, 2014. С. 168]. Но дальнейшее раскрытие понятия американским социологом ставит концепцию Ж.-Ж. Руссо «с ног на голову». Во-первых, искажение «руссоистской» концепции Робертом Н. Беллой происходит в интерпретации автором «божественного»: «Бог, несомненно, был центральным символом в гражданской религии с самого начала и остается таковым и сегодня. В гражданской религии это столь же центральный сим-

² Принцип законности вызывает ряд затруднений в части, касающейся базовых вопросов о реальности общественного договора как такового, так и соотношения естественного и позитивного права.

вол, как в иудаизме или христианстве... Если вся символика понятия “Бог” потребует пересмотра, то это вызовет очевидные последствия для гражданской религии, последствия, возможно, либерального отчуждения и фундаменталистского окостенения, которые до сих пор не были заметны в этой сфере» [Белла, 2014. С. 178–179]. Как было показано, уже в эпоху отцов-основателей можно было обнаружить отказ от «священного» в гражданской религии, и даже если Роберт Н. Белла никогда не читал «Письма с Горы», то сам текст «Общественного договора» также не ставит понятие «Бог» центральным звеном гражданской религии и соотносит божественное прежде всего с естественным и гражданским правом, а не символом веры.

Во-вторых, Роберт Н. Белла, заявляя о не тождественности христианства и гражданской религии, говорит о христианстве как ее источнике: «Хотя многое в ней происходит из христианства, эта религия, очевидно, не само христианство... В основе гражданской религии повсюду лежат библейские архетипы: Исход, Избранный народ, Земля Обетованная, Новый Иерусалим, Жертвенная Смерть и Возрождение. Но есть в ней и подлинно американские и действительно новые. Она имеет своих пророков и своих мучеников, свои священные события и священные места, свои собственные сакральные ритуалы и символы» [Там же. С. 170, 181]. Ж.-Ж. Руссо совершенно иначе воспринимал христианство, не отказываясь от божественного и тех принципов христианства, которые близки ему самому и каждому индивиду, он понимал необходимость отделения религии от политического организма: «Однако, поскольку постоянно существовали также и государь и гражданские законы, то, в результате такого двоевластия, возник вечный спор относительно разграничения власти, что и сделало совершенно невозможным в христианских государствах какое-либо хорошее внутреннее управление, и никогда нельзя было понять до конца, кому – светскому господину или священнику положено повиноваться... Христианство – это религия всецело духовная, занятая исключительно делами небесными; отечество христианина не от мира сего» [1998. С. 315–319]. Ссылки Р. Н. Беллы на христианскую символику очень опасны для политического организма, и если возводить американскую гражданскую религию Р. Н. Беллы до принципа границ терпимости государства, то, очевидным образом, такие границы будут очень суровы для атеистов или представителей не авраамических религий.

В-третьих, в отличие от универсального характера гражданской религии Ж.-Ж. Руссо, Р. Н. Белла заявляет об уникальности

американской гражданской религии и избранности американского народа. Эта тенденция проявляется практически на протяжении всей статьи автора, начиная от неадекватных сравнений Джорджа Вашингтона с Моисеем [2014. С. 172] и Авраама Линкольна с Иисусом Христом [Там же. С. 173], заканчивая общими фразами о том, что «Европа – это Египет; Америка – земля обетованная. Бог привел свой народ к установлению нового вида социального обустройства, который должен быть светом для всех народов» [Там же. С. 171]. Хотя Р. Н. Белла очень много говорит о Боге и категориях божественного, его американская гражданская религия намного больше напоминает просто идеологию, чем собственно религию. Ж.-Ж. Руссо действительно верил, что принципы гражданской религии «религиозны» в том смысле, что они преодолевают человеческие границы и стоят выше всякого человеческого или земного. Американская гражданская религия загоняет себя в национальные рамки и не стремится возвысить принципы гражданской религии до принципов религии естественной.

Откровенно говоря, принимая догмат об уникальности американского народа в гражданской религии Р. Н. Беллы, мы не можем найти место в такой религии для терпимости. Избранность, уникальность, наличие «особой души» народа – это все путь нетерпимости, разрушающий догматы гражданской религии Ж.-Ж. Руссо. С. В. Занин, комментируя роман «Эмиль», говорит следующее: «По мнению мыслителя, существуют вечные, неизменные правила общежития людей, которые “играют роль законов для мудрецов”. Они должны прививаться воспитаннику с тем, чтобы он действительно стал “общительным”. Вступая в общественную жизнь, действуя как гражданин, Эмиль переносил в сферу гражданского общежития принципы гуманности, заложенные в “естественной религии”» [2004. С. 197]. Это требование «общительности» естественной и гражданской религии заключается прежде всего в отсутствии границ группы, или хотя бы стремлении их преодолеть. Догмат уникальности у Р. Н. Беллы – это то «частное», которое Ж.-Ж. Руссо отрицал.

Единственное, в чем мы находим схожесть взглядов Ж.-Ж. Руссо и Р. Н. Беллы на гражданскую религию – это необходимость празднования национальных праздников для поддержания гражданской религии. Решающую роль в гражданской жизни корсиканцев, по мнению Ж.-Ж. Руссо, должна играть не клятва, а «национальные праздники», коим он призывал «придать как можно больше великоле-

пия»³. Ж.-Ж. Руссо видел в национальных праздниках прежде всего способ претворить в жизнь принципы гражданской религии в конкретном государстве. С. В. Занин отмечает: «По мере роста гражданского сознания человека, его патриотизма, “гражданская религия” утрачивает внешние атрибуты культа, перестает быть обманом. Не отвлекая человека “от земных дел”, она более не заставляет его поклоняться сверхъестественному существу, а становится внутренним убеждением индивида, моральным регулятором его отношения к ближнему. “Гражданская религия”, таким образом, не нуждается в формально установленных догмах веры, чтобы утвердиться в сознании людей... он все больше склонялся к тому, чтобы превратить национальные праздники, т. е. саму практику общения между гражданами, в средство создания единого общественного организма, нации» [2004. С. 203–204]. Подобное обеспечение воспроизводства гражданской религии путем введения национальных праздников имеется и в работах Р. Н. Беллы: «Так же, как День благодарения – который, кстати, был навечно учрежден как ежегодный национальный праздник при президентстве Линкольна, – служит для интеграции семьи в гражданскую религию, День памяти служит интеграции местного сообщества в национальный культ. Вместе с менее религиозным праздником – Днем независимости США и менее значительными празднованиями Дня ветеранов и дней рождения Вашингтона и Линкольна, они обеспечивают ритуальный календарь гражданской религии» [2014. С. 175]. Но здесь опять проявляется главное противоречие в трактовках гражданской религии: если национальные праздники у Ж.-Ж. Руссо требуются для воспроизводства общих принципов гражданской религии, и прежде всего терпимости к ближнему, то национальные праздники у Р. Н. Беллы воспроизводят историю американской нации и именно ее уникальные «религиозные» принципы.

Следуя за Р. Н. Беллой, как отечественные, так и зарубежные авторы стали связывать конкретную историческую символику или конкретные национальные традиции с гражданской религией. Так, В. Р. Легойда дает следующее определение: «Гражданская религия – в широком смысле слова – есть некое религиозное (а иногда псевдорелигиозное) отношение к национально-государственным традициям и отдельным фактам государственной истории»⁴; В. А. Его-

³ Ж.-Ж. Руссо. Проект Конституции для Корсики. URL: <http://rousseau.rhga.ru/upload/iblock/d40/6.pdf> (дата обращения 16.10.2018).

⁴ Легойда В. Р. Гражданская религия и христианство. URL: http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/00/05-00/16.htm (дата обращения 16.10.2018).

ров в качестве примера элементов гражданской религии приводит идеологему «Православие, Самодержавие, Народность», в упрощенном варианте «За Веру, Царя и Отечество»⁵. М. Уолцер в своей работе «О терпимости», опубликованной в 1997 г., формулирует термин «гражданская религия» следующим образом: «Гражданская религия включает в себя полный набор политических доктрин, исторических повествований, знаковых фигур, памятных дат и мемориальных ритуалов, посредством которых государство запечатлевается в душах своих граждан, в особенности молодежи и лиц, недавно вступивших в гражданство» [2000. С. 91].

Мы видим, как исторически концепция гражданской религии Ж.-Ж. Руссо полностью преобразилась – от общих принципов морали, справедливости и законности к знанию национальной истории и ее воспроизводству. В контексте современных исследований данного феномена подобное историческое «запечатление» всегда носит положительный характер, предполагая некую гордость и сопричастность граждан к истории государства, а также знание и понимание государственных основ или хотя бы простое молчаливое согласие с ними. В то же время «запечатление» может носить память о страданиях, стыде, обидах народов или отдельных представителей, а политические доктрины и знаковые фигуры государства могут оставлять в памяти следы, вызывающие лишь неприязнь граждан. Подобный «негативный» набор вряд ли подразумевает под собой то, что имеют в виду М. Уолцер или В. Р. Легойда в понятии «гражданская религия». Непонятно, каким образом гражданская религия должна обеспечивать соблюдение собственных догматов при невозможности дифференцирования истории любого государства на «плохую» или «хорошую», «нужную» или «ненужную», и в контексте статьи – формирующую или искажающую гражданскую религию государства.

Эволюция понятия гражданской религии коснулась не только ухода в своем содержании от всеобщности принципов к конкретным историческим реалиям, но и изменений в отношении к представителю политического сообщества. Национально-историческая версия гражданской религии предполагает наличие в государстве добродетельных личностей, обладающих активной жизненной позицией и стремящихся понять и усвоить догматы гражданской религии, став, таким образом, примерными гражданами, а не просто людьми. «Руссоистская»

⁵ *Егоров В. А.* «Гражданская религия в Америке» Роберта Беллы. ACTA ERUDITORUM, 2012. В. 11. С. 62. URL: http://intelros.ru/pdf/ACTA_ERUDITORUM/2012_11/12.pdf (дата обращения 16.10.2018).

гражданская религия, как нам кажется, говорит совершенно о другом. Человек входит в общество неподготовленным, без должных представлений о справедливом, благом или вечном, обретая впоследствии свои гражданские права и обязанности и сосуществуя с другими гражданами государства, только тогда гражданин обретает добродетель и терпимость, осознает собственную принадлежность к роду человеческому. Современные трактовки гражданской религии движутся от человека к гражданину, «руссоистская» версия утверждает, что, только исполняя догматы гражданской религии, гражданин становится человеком. В определенном смысле гражданская религия философа эпохи Просвещения является «согражданской религией» в том смысле, что ее догматы могут быть поняты и исполнены только в сосуществовании с другими гражданами и государством, а не посредством лотереи лояльности, каким является гражданство по рождению.

Подводя итоги, мы задаемся вопросом: может ли стать гражданской религия Ж.-Ж. Руссо границей терпимости государства в отношении этнокультурных норм и практик групп и индивидов? По-видимому, ответ должен быть отрицательным, так как гражданская религия Ж.-Ж. Руссо не имеет мультикультурных границ, она стремится преодолеть всякое различие между своим и чужим. Может ли современная трактовка гражданской религии стать границей терпимости государства? Как нам кажется, ответ и на это вопрос тоже «нет». Подобные границы национально-историческая версия гражданской религии, безусловно, маркирует, но эти границы ставят вопрос о выживании самого феномена «терпимость» в таком политическом сообществе, декларирующем свою избранность и уникальность. Это приводит нас к выводам о необходимости переосмысления самого термина гражданской религии или смене терминологической базы, которая будет отвечать как историческим реалиям каждого государства со своими «хорошими» и «плохими» историями, так и создающим общий образ гражданина, который как минимум должен понимать границы «этнического» и «национального», а как максимум их превзойти.

Список литературы / References

Белла Р. Н. Гражданская религия в Америке // Вестн. Рус. христиан. гуманит. академии. 2014. Т. 15, № 3. С. 162–182.

- Bellah R. N.** Grazhdanskaya religiya v Amerike. Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Bulletin of the Russian Christian humanitarian Academy], 2014, vol. 15, no. 3, p. 162–182. (In Russ.)
- Занин С. В.** Гражданская религия Жан-Жака Руссо // Французский ежегодник. 2004: Формы религиозности в XV – начале XIX в. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 181–206.
- Zanin S. V.** Grazhdanskaya religiya Zhan-Zhaka Russo [The civil religion of Jean-Jacques Rousseau]. In: Frantsuzskii ezhegodnik. 2004: Formy religioznosti v XV – nachale XIX vv. [French Yearbook. 2004: Forms of religiosity in XV – early XIX centuries]. Moscow, Editorial URSS, 2004, p. 181–206. (In Russ.)
- Руссо Ж.-Ж.** Об общественном договоре: Трактаты. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 1998. 415 с.
- Rousseau J.-J.** Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty [About the Social Contract: Treatises]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub; Kanonpress-C Publ., 1998. (In Russ.)
- Руссо Ж.-Ж.** Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С. В. Занин; отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. 639 с.
- Rousseau J.-J.** Politicheskie sochineniya [Political Writings]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013. (In Russ.)
- Уолцер М.** О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 159 с.
- Walzer M.** O terpimosti [On Tolerance]. Moscow, Idea-Press, Dom intellektualnoi knigi Publ., 2000. (In Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
18.12.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Винчковский Егор Владимирович, соискатель Российского государственного гуманитарного университета (Миусская площадь, д. 6, стр. 1, Москва, 125993, Россия)

Egor V. Vinchkovskii, aspirant of Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Sq., Bld. 1, Moscow, 125993, Russian Federation)

vinchkovskiy@gmail.com